

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

РУССКОЕ НИЧТО

К 60-летию поэта Василия Стружа

Эту книжку мог бы написать герой Фёдора Достоевского капитан Лебядкин, либо кто-то из многочисленных “чудиков” Василия Шукшина, либо пушкинский работник Балда, если бы Александр Сергеевич научил его грамоте.

В советские времена многие молодые поэтические таланты, мечтавшие поскорее издать первый сборник и вступить в вожделенный Союз писателей, порой усердно сочиняли себе трудовую биографию. Читаешь, бывало в аннотации, что автор работал и геологом, и сторожем, и рабочим сцены, и понимаешь, что всё это — липа, сочинённая для того, чтобы в издательстве тебя, гнилого интеллигента, столичного юношу, воспринимали как человека труда, знатока жизни, хлебнувшего её, эту жизнь, по ноздри.

С автором “Косноязычия” все обстоит иначе. Ему нет нужды притворяться. Трудовая воспитательная колония была? — Была. Работал на северных нефтяных приисках? — Работал. Колхозная крестьянская жизнь? — Да он до сих пор в ней барахтается.

Сумасшедшие попытки “выйти в люди”, добиться успеха любой ценой, завоевать место под солнцем в наше алчное время отражены в творениях Стружа и с трагическими, и с комическими подробностями.

*Как я работал! — Я грузил вагоны
Корявым лесом, их же разгружал.
Я сетки плёл, носил ж/д погоны.
Хозяйничал, творил, гулял, лежал.*

.....
*И яблоки таскал, и помидоры,
Сбирал зерно под самосвалов гул.
Грустил, робил, смотрел в свиные морды...
Всё, что скопил, — чёрт языком слизнул.*

Сцены из стихотворения “Дефолт”, свидетельствующие о том, что с чёртом в жизненную рулетку играть бесполезно.

“Улица корчится безязыкая — нечем ей кричать и разговаривать”, — писал в своё время великий и якобы пролетарский поэт Маяковский, не имевший ни малейшего отношения к пролетариату. Но язык улицы он слушал и жаждал постичь его. Александр Блок, услышавший ненадолго этот язык и запечатлевший его в поэме “Двенадцать”, записал в дневник зимой 1918 года: “Сегодня я гений”. Но Стружу не нужны уроки Блока или Хлебникова. Ему не нужно тратить силы на освоение языка нынешней простонародной жизни.

Её косноязычие — его сущность. Он другого языка не знает. Правда, особенность его косноязычия в том, что, разгребая эту словесную грудку, эти сорняки и чертополохи, вдруг нащупываешь в их гуще жемчужные зёрна, отливающие подлинным поэтическим блеском, или натыкаешься на обломок камня-алатыря с дохристианской печатью. И вдруг понимаешь: автор одновременно и язычник, и православный, и русский юродивый, и бескорыстный гуляка, и лукавец, знающий, что “своя рубашка ближе к телу”. Словом, он человек безразмерный, необуженный (“Сузить бы <русского человека>” — Ф. Достоевский), живущий по мудрости древних, порой взаимоисключающих русских пословиц: “С волками жить — по-волчьи выть”, “На миру и смерть красна”, “Без Бога ни до порога”, “На Бога надейся, а сам не плошай”...

Поэт чувствует сам “животную неизречённость” и косноязычие своей природы, но — стоит на своём:

*И как-то надо разбавлять
Златую рифму неумелым
Созвучием, попроще стать,
Писать на вечности, но мелом...*

Так и пишет: не алмазом и не гусиным пером, а мелом, углем, пальцем, — в общем, чем попало.

Весь XX век русская литература текла и течёт до сих пор по двум руслам: по интеллигентски-элитарному и по простонародному.

Александр Твардовский, Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Николай Рубцов, Василий Белов, Анатолий Передреев, Юрий Кузнецов. Василий Шукшин, Глеб Горбовский — люди простонародья, чада коллективизации и сталинских пятилеток, питомцы детдомов и щитовых барачков, послевоенная безотцовщина, выкорыши великой русской провинции с её рабочими посёлками, Тайшетлагами, пригородами, окраинами, колхозами, леспромхозами... Их отцы и матери — рабочие, крестьяне, учителя, солдаты, лимитчики, уборщицы, — словом, чернорабочие и разнорабочие истории. Конечно, дети этого мутного народного моря понимали и отображали жизнь иначе, нежели отпрыски нэпманов, чекистов, юристов, врачей-венерологов, комиссаров, местечковых ребе, меховщиков, партийных функционеров, фотохудожников и прочей нашей якобы элиты. Кого я имею в виду? Да если навскидку — то Сельвинского, Кирсанова, Маяковского, Аксёнова, Межирова, Самойлова, Бродского и т. д. Война и сталинский жестко управляемый хаос смешали, а в самые трудные времена почти сплестили простонародье с элитой. Это понимал Даниил Андреев, писавший в “Ленинградском апокалипсисе”:

*Дыхание фронта здесь воочию
Ловили мы в чертах природы:
Мы — инженеры, счетоводы,
Юристы, урки, лесники,
Колхозники, врачи, рабочие,
Мы, злые псы народной псарни,
Курносые мальчишки, парни,
С двужилым нравом старики.*

Но в наши дни разделение двух стихий — простонародной и элитарной — стало катастрофическим. Вот почему я отношусь столь серьёзно к появлению таких поэтов, как Василий Струж, обладающий даром непосредственности, свойственной талантам из его среды.

*В медведе очень много русского
С большой дороги. Как и он,
В глубинах русских дети сукины
Живут, презрев Христов Закон.*

И это о своих, родных, кровных! Такая свобода и прямота позволяет ему говорить что угодно и о ком угодно:

*Когда натянутые жилы
Российских баб и мужиков
Звучат не мёртвы и не живы,
Когда страна в руках жидков.
Когда жидятам мелким льготы,
Жидкам покруче — царский дом! —
Тогда спасает ящик водки.
Да песня. Только не погром.*

Хотя он понимает всю драму чеченского народа, но не даёт спуска и своим соседям-чеченцам, когда пишет о России, которой “в печень влез чеченский волк”. Да что говорить о народах и племенах, если есть у Стружа стержневая мысль обо всем человечестве, живущем во зле: “сколько гневных безобразий человек в себе зарыл”.

О толерантности и политкорректности это дитя рынка и авантюрного, мошеннического времени и слыхом не слыхивал. Он умеет с грубой и одновременно глубокой усмешкой так сказать об экономической оккупации России:

*Нравятся мне эти пухлые мерины —
Круглые “Ауди” и “БМВ”,
Что-то гестаповское, что утеряно
Немцами с Волги, есть в этом дерьме.*

А с какой медвежьей бесцеремонностью даёт он советы русской истории:

*Нужен молот, нужен цеп,
Клювы двуглавой стали,
Сжатый кистью сноп — под серп,
Нужен Грозный! Или — Сталин.*

С каким легкомыслием он пытается проникнуть в животную сущность человеческой природы:

*Как мы друг на друга смотрим?
Долго так нельзя смотреть —
Личико вдруг станет мордой,
Начинаем сатанеть!*

Я в новейшее время не раз с болью сравнивал карту СССР с картой новой России. Сердце сжималось: на карте зияющий провал — нет Украины, как будто грудь вырвана... Казахстан, граница — подбрюшьё отрезано. Но пока я переживал, Струж, как крестьянин, берёт быка за рога.

*Стране пошита форма новая,
Закройщик был упрям и пьян.
Она атласною коровою
Кровоточит по всем краям.*

С варварской дерзостью Василий Струж излагает свой косноязычный поэтический катехизис:

*Нам арена — мировая!
Как индейцев, нас стереть
Невозможно! — Мы из Рая.
Тотем — наш родной медведь.
Коль хотите жить — держитесь
Нашей воли! Я — пою.
Кто-то убирает жито.
Жмитесь к нам — кто на краю.*

Это стихи или о советском интернационализме, или о русской всемирной отзывчивости, или о том, что “несть ни эллина, ни иудея”. Прочитал — и вспомнил Юрия Кузнецова, стихи о последнем человеке, который шёл по русской земле 90-х годов прошлого века

*И бормотал: — Повсюду глум и рынок.
Я проиграл со смертью поединок.
Да, я ничто, но русское ничто.
Всё продано, — он бормотал с презреньем, —
Не только моя шапка и пальто.
Я уйду. С моим исчезновеньем
Мир рухнет в ад и станет привиденьем —
Вот что такое русское ничто.*

Стихи написаны в 1994 году. До дефолта. Струж — дитя дефолта. Но тем более поразительно, что, как бы отвечая на кузнецовское “мир рухнет в ад”, он говорит: “мы из Рая”. Время связует великого русского поэта и его косноязычного одичавшего потомка.

Есть у Юрия Кузнецова стихотворение о том, как советский солдат, во время Отечественной войны освободивший какой-то населённый пункт со старинной усадьбой, заснул в барском особняке на диване, спинка которого хранила вмятины от затылков Пушкина и Чаадаева...

*Облако пыли взметнул в тишине именной
Нищий хозяин, учитель отца своего,
Рухнул на барский диван и заснул, как убитый,
Вмятины встали, чтоб не тревожить его.*

Вот и Струж кажется мне “нищим хозяином” великого наследства, рухнувшим в сон в окружении великих теней, которые приглядываются к нему и молчат, чтобы не разбудить потомка. Авось проспится и рано или поздно вспомнит о них.

Потому что он — или “русское ничто”, или “русское всё”, которое мы по-здравляем сегодня с шестидесятилетием.